

Мы вчера забирались на пик
самой крупной горы Лангедока.
Под одежду нам ветер проник,
и забрезжило солнце с востока.

Отделяясь от общих следов,
я нашла там пустую часовню:
снимок девушки в гуще цветов
на стене я отчетливо помню.

Я прочла сквозь разводы золы,
что она сорвалась со скалы,
там где только что мы восходили:

я в душе ощутила провал,
словно кто-то меня призывал,
но желанья меня не пустили.

Ahir al vespre pujàvem al cim
d'una enorme muntanya de França.
Ens gelaven el vent i el plugim,
i es va encendre l'ocàs, apagant-se.

Del camí, me n'havia distret
per entrar en una antiga capella:
una foto damunt la paret
vaig notar, d'una noia molt bella,

entre flors, i en un marc endolat:
vaig llegir que s'havia estimbat
als vint anys dalt d'aquesta muntanya.

Era com si em cridés no sé qui
no sé a on: però em va retenir
una força borrosa i estranya.

Моя молитва такова:
прости, спаси и благодарствуй.
Мне эти кроткие слова
дороже символов и царствий.

Из них я будто строю мост
от жизни в каждом ощущеньи
к тому, кто зернышками звезд
зашифровал ее значенье.

Скучая в будничной возне,
покой приравнивая к раю,
в метро, на улице, во сне
я их все время повторяю.

Судьба стоит передо мной,
как проповедник перед паствой,
а вера шепчет за спиной:
прости, спаси и благодарствуй.

M'he inventat una oració:
perdona'm, salva'm, t'ho agraeixo.
Sense saber-ne la raó,
contínuament la repeteixo.

Quatre paraules valen més
que la promesa d'un reialme.
Quanc prenc la vida de través,
em fan recuperar la calma.

A casa, al metro i al carrer
em persegueixen i m'apressen.
Un dia amb elles pujaré
a veure aquell a qui s'adrecen.

Tinc el destí al meu davant,
i al meu darrere distingeixo
la fe que diu xiuxiuejant:
perdona'm, salva'm, t'ho agraeixo.

Вся ценность этой выставки не в том,
что лица оживают на портрете,
а в нас с тобой, в зрителе седом,
в воскресном дне и трещинах в паркете.

И этот фильм хорош не потому,
что веришь небывалому покорно,
а в силу людной лестницы в дыму,
билетов и горячего поп-корна.

Какой бы не казалась суть вещей,
насколько обстоятельства дороже!
Бывает, от ракеток и мячей
сильней, чем от игры, мороз по коже.

И кажется, важны не мы с тобой,
не замысел судьбы и воплощенье,
а этот стол с клеенкой голубой,
и ласточек-цыганок возвращенье.

Tot el valor d'una exposició
no el fan – t'ho juro – les pintures belles.
El fa aquest vigilant, el fem tu i jo,
i el fet que en el parquet hi hagi clivelles.

I un film no ens entusiasma tant perquè
l'inversemblant s'hi pugui fer creïble,
sinó perquè en sortir prenem cafè
i en el vestíbul flota un fum terrible.

L'essència de les coses no existeix:
allò que compta són les circumstàncies.
La gràcia del futbol és el panteix
dels jugadors: la resta són desgràcies.

I són més importants que tu i que jo,
que el món real en tots els seus aspectes,
la taula d'hule blau al menjador
i el vol gitano de les orenetes.

Я люблю человека, живущего далеко.
Но не жжет его одиночество и разлука.
С ним болтает пушное облако над рекой
и высокие арки римского акведука.

Золотая горит мимоза в его саду,
в его комнате оживает одна гравюра,
и он потчует персонажей ее орду.
Его имя стоит в посланиях Эпикура,
на билете в парижский пригород раз в году,
на открытке, летящей ночью из Сингапура.

Иногда проникает музыка в его сны,
а порой незаметно Бог ему дышит в спину.
Его щеки как будто в пене морской волны,
когда он по утрам намыливает щетину.
Я люблю его сквозь границы чужой страны,
сквозь огромного расстоянья слепую льдину,
так, как радуга вырастает во всю длину
небосвода - но видно только лишь половину.

Estimo un home que viu molt lluny de mi.
No se sent sol al món ni té cabòries:
parla amb un núvol d'or sobre el seu camí,
i un aqüeducte antic li explica històries.

A la seva cambra, té un gravat al mur,
amb cavallers, i ell els serveix cervesa.
Al seu jardí, hi ha una acàcia encesa.
Té un nom que surt en les cartes d'Epicur,
en el bitllet a una ciutat francesa
i en una postal que ve de Singapur.

A estones li sembla que Déu l'empaita,
els seus somnis són críptics i musicals.
La seva cara, si al matí s'afaita,
es cobreix d'escuma de mar amb corals.
L'estimo a través de la il·limitada
superfície d'espai i del temps gelat,
com l'arc iris creix per tota l'amplada
del cel – i se'n veu només una meitat.

Ангела на воздушном велосипеде
– вместо колёс под ним пламенели солнца –
едущего бесхитростно по дороге
я повстречала как-то, идя на пляж:
огненного пути его след, наследье,
жаркая пыль - встаёт до небес и вьётся,
застит глаза то ласточке, то сороке,
думающим, что всё это сон, мираж.

Были ему даны красота и сила,
крылья его срывали с ветвей рябину,
и перед ними рушились молчаливо
души деревьев, полные требухи.
С первой минуты я его полюбила
глубже, чем Бога, преданней, чем мужчину,
и когда он разбился, упав с обрыва,
в сумке его лежали мои стихи.

Un àngel que muntava en bicicleta
—les rodes eren quatre sols en flames—
pujant tranquil·lament per la sendera
vaig veure un dia, de camí al mar;
tapant el cel i els ulls d'una oreneta
la pols daurada de les seves cames
deixava un rastre càlid al darrere,
i els núvols queien sobre el manillar.

Enormes com la llum que les envolta,
les seves ales, esquitxant la bici
d'espurnes que la feien roja i blava,
enderrocaven pins de tot el món.
Me l'he estimat; i quan de cop i volta
va caure daltabaix d'un precipici,
al fons de la maleta que portava
hi eren els meus poemes tal com són.

Всюду царствуют ощущения и детали:
можно чистить сырой картофель тупым ножом,
так, как будто стираешь пыль с золотой медали,
где какой-нибудь император изображен.

Все зависит от человека и предпосылки:
произвольно соединять их дано судьбе.
Можно пить минеральную воду из бутылки
тем движеньем, каким играют на трубе.

Под рукой у того, кто любит и наблюдает,
все занятия превращаются в ритуал,
и мельчайший обрывок жизни приобретает
красоту, о которой сам не подозревал.

И, быть может, ручными, кроткими обернутся
одиночество, и отчаянье, и позор,
если как –нибудь неожиданно их коснуться –
скажем, с нежностью, не испытанной до сих пор?

Es pot pelar una patata amb la navalla
mig-esmussada – amb un delit empenedor,
com si estiguessis espolsant una medalla
amb la imatge d'un antic emperador.

La fantasia pot fer estralls si se l'amolla:
donar-li corda és un vici del destí.
Es pot beure aigua per la boca de l'ampolla
amb l'expressió d'estar tocant un cornetí.

Aquell qui té la ment oberta i atrevida
transforma en ritu qualsevol activitat,
i confereix al més petit bocí de vida
una esplendor que mai no hauria sospitat.

Qui sap, potser la soledat que ens és pesada
s'endolciria, i el rancor es faria mans,
si ens hi acostàvem d'una forma inesperada –
amb un amor que no havia estat abans?